

- ¹⁰ *Ahiya D. R. Op. cit. P. 91.*
¹¹ *Data of the Rajasthan Institute... P. 2.*
¹² *Княжинская Л. А. Указ. раб. С. 115, 117.*
¹³ Это мы встречаем у разных народов. *См. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 85, 208, 296—297; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 28, 31, 61, 102, 179, 269—271.*
¹⁴ *Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923. С. 267, 283—284, 309.*
¹⁵ *Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 598—607.*
¹⁶ *Королева Э. А. Указ. раб. С. 165—166.*
¹⁷ *Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 55—56, 58.*
¹⁸ *Ahiya D. R. Op. cit. P. 119—120.*
¹⁹ *Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 17—18.*
²⁰ *Алякринский Б. С., Степанова С. И. По закону ритма. М., 1985. С. 11; Бюхер К. Указ. раб. С. 228, 284.*
²¹ *Бюхер К. Указ. раб. С. 283—284.*
²² *Королева Э. А. Указ. раб. С. 62, 71.*
²³ *Маккей Э. Указ. раб. С. 65.*
²⁴ *Data of the Rajasthan Institute... P. 1.*

© 1990 г.

Д. Е. Еремеев

«ТЮРК» — ЭТНОНИМ ИРАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ?

(К проблеме этногенеза древних тюрков)

В этнической истории известны случаи, когда этнос, сменив язык в итоге ассимиляционных процессов, сохраняет прежнее самоназвание. Так, монголоязычные татары, оказавшись в тюркоязычной массе кыпчаков и болгар, были ассимилированы по языку, но передали им свой этноним; тюрки-булгары на Дунае ославились, однако новообразовавшийся этнос сохранил имя «болгары»; аналогичное явление произошло с германоязычными франками в романоязычной Галлии — они стали французами (*Franc* > *Français*).

Многие факты наводят на мысль о том, что подобный процесс имел место и в этнической истории древних тюрков: этноним «тюрк», возможно, иранского происхождения. Об этом свидетельствуют прежде всего данные лингвистики, не противоречат им и сведения археологических и палеоантропологических источников. Все это в свою очередь выявляет очень значительную роль в этногенезе древних тюрков ираноязычных племен.

Анализ лексики тюркских языков, причем древнейшего ее пласта — в орхон-енисейских текстах, в словаре Махмуда Кашгари — говорит о том, что большое число скотоводческих терминов заимствовано тюрками из индоевропейских, главным образом иранских, языков. Несколько примеров: тюрк. *окуз* (вол) < тохарск. *оксо* (ср.: нем. *Ochse*, англ. *ox*); тюрк. *бука* (бык) < слав. *бык* (от *быкать*, *букать* — мычать); тур. *дана* (телка) < древнеинд. *д'ена* (самка), авест. *даэну* (самка). Названия мелкого рогатого скота также восходят к индоевропейским формам, что неудивительно, ибо ареал его domestikации находился в Малой Азии и Иране. Так, праиндоевропейская лексема **кок* (коза) дала целую серию тюркских слов: *кечи/эчки* (коза), *коч* (баран), *кузу* (ягненок), *кой/кон* (овца). Тюркское *теке* (козел) связано с армянским *тик* (бурдюк), нем. *Ziege* (коза). Тюрк. *эшек/эшкек* (осел) коррелирует с армянским *эш* (осел), англ. *ass*, нем. *Esel*, латинским *asinus*.

Еще более показательна связь тюркской лексики с индоевропейскими корнями в сфере хозяйственной деятельности скотовода. Тюрк. *сут* (молоко) находит параллели в древнеиндийском *су́та* (выжатый), древнеирландском *су́тх* (молоко, сок). К этой же сфере относятся и такие изоглоссы: тюрк. *йук/йүг* (покла-

жа, груз, вьюк) < хеттск. *йукан* (ярмо), древнеид. *йуга*, слав. *иго*, готтск. *йук*, нем. *Joch*, англ. *yoke*; тюрк. *чобан/чупан* (помощник сельского старосты в словаре Махмуда Кашгари), турец. *чобан* (пастух) < перс. *шубан*, восходящее в свою очередь к авест. *фшуйант/фшупана*; тюрк. *чигры* (колесо) < индоиранск. *чакра/чахра*. Возможно, и в тюркском слове *канчик/канджик* (сука) основа восходит к хеттскому (а также лидийскому, фракийскому, иллирийскому) названию собаки — *кан*; ср.: латышск. *кипа* (сука). Вероятность этого заимствования подтверждает и древнекитайское обозначение собаки — *киуэн*, взятое из индоевропейских языков.

Особый интерес представляет собой заимствование тюрками индоиранского слова «волк»: тюркское *бёри* аналогично по значению и сходно по звучанию с осетинским *бирэг*, хотано-сакским *бирегга*; ср. также: авест. *вэхрка*, согд. *вырк*, урду *вирк*, хинди *врик*. Более древняя тюркская форма могла звучать и как *бёрук*, ибо русское слово «бирюк» скорее всего происходит от этой формы, правда, с переносным значением (нелюдимый человек). В некоторых тюркских языках имеется и другое слово «волк» — *курт* (словарь Махмуда Кашгари, турецкий язык и др.). Оно также может быть этимологизировано как индоевропейское: слав. *хорт* (борзая, от *хрт* — скорый), литовск. *kurtas* (охотничья собака, от *kurti* — бегать, скакать). Появление этих индоевропейских слов в языке тюрков связано, скорее всего, с заимствованием ими индоевропейской этногонической легенды. В переложении китайской летописи VII в. тюркский мифический сюжет о происхождении тюрков выглядит так: однажды враги истребили целое племя, в живых остался только десятилетний мальчик, его спасла от голодной смерти волчица, приносившая ему мясо; когда он подрос, волчица родила от него в горах Алтая десять сыновей, которые взяли себе жен из Турфана (кстати, в древности в этом районе Северо-Западного Китая обитали тохары, индоевропейский народ). От этих браков, согласно легенде, и появились первые тюрки.

Данный сюжет явно перекликается с римским преданием о Капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рема, с древнеиранской легендой о волчице, воспитавшей Кира. Можно добавить также, что имя родоначальника нартов, осетинское *Уархаг/Вёрхег* связано со словом «волк». Вообще, сюжет, в котором родоначальником, героем или вождем является волк, был распространен преимущественно в мифологии индоевропейских народов — хеттов, иранцев, греков, германцев, а также грузин. Предание о волке-прародителе попало через тюрков и в монгольскую мифологию. В Тюркском каганате VI—VII вв. слово «бери» входило в антропонимы многих правителей-тюрков — Бёри-хан, Беришад, Иль-Бёри-шад².

Индоевропейское влияние оказалось значительным и в других областях тюркской лексики. Так, многие названия культурных растений заимствованы из индоевропейских языков: *алма* (яблоко), *арпа* (ячмень), *чавдар* (рожь), *бугдай* (пшеница), *кендир/кеневир* (конопля). Культурное влияние индоевропейцев проявилось и в таких заимствованиях, как *дам/там* (дом, крыша), *ул* (фундамент), *улуш* (селение), *канд/кент* (город, деревня), *аш* (пища), *дон/тон* (одежда), *бекни* (пиво), *бор* (вино). Заимствованы и некоторые числительные: *беш* (пять) < тохарск. *пиш*, индоиранск. *пандж/пендж*; *түмен* (десять тысяч) < тохарск. *тумане*, иранск. *туман*; в словах *бир* (один), *биринджи* (первый) основа связана с индоевропейским корнем (русск. *первый*, белорус. *першы*, англ. *first*).

«Культурный натиск» древних индоевропейцев на Востоке Евразии испытали и другие народы. Например, в китайский язык той эпохи попало несколько индоевропейских слов, весьма важных в хозяйственно-культурном отношении: *миэт* (мед), *лак* (молоко), *куо* (бык, корова); ср. также маньчжурск. *гео* (бык). Индоевропейским заимствованием в маньчжурском и монгольском языках является название лошади *морь/морин/мурин* < древнеирландск. *марк*, древнеисландск. *марр*, древненем. *марах*; ср.: также нем. *Mähre* (кляча), англ. *mare* (кобыла).

К индоевропейским заимствованиям, происшедшим в древнетюркскую эпоху,

относятся такие многозначные в отношении социально-культурного влияния слова-титуты, как *ар/эр* (человек, муж), *бага* («витель»), *ябгу* («князь»), *шад* («воевода»), *ышбара/ышбараи* («наместник»). Эти слова зафиксированы в текстах орхоно-енисейских памятников, относящихся к 712—759 гг. Например, в памятнике Хемчик-Чиркагы сказано; *бага бен эр* — «я муж (с титулом) бага»; в памятнике Моюн-чуру — *эки оглыма ябгу шад ат бертим* — «двум сыновьям моим я дал титулы ябгу и шада»; в памятниках Моюн-чуру, Кюль-тегину и Кули-чуру говорится об *ышбара/ышбараи*, в частности в первом из них сказано: *чик будунка... ышбараи... анчуладым* — «народу чиков... я пожаловал... ышбара». А титулатура Тюркского каганата буквально пестрит этими заимствованиями: бага-шад, бага-ышбара-хан, багатур-шад, багатур-ябгу, тегин-шад, ышбара-хан, ышбара-ябгу, ябгу-хан и т. п.³

Все эти слова-титуты легко сопоставимы с индоевропейскими исходными: *ар/эр* < древнеинд. *ари/арья*, древнеиранск. *ир* (человек, муж); *бага* < авест. *бага* (бог, божественный, господин), ведийск. *б'ага*⁴, ср. также: слав. *бог, богатый; ябгу* < кушанск. *явуга*⁵; *шад* < согд. *хшад*, древнеинд. *кшатра* (воин); *ышбара* < санскр. *ишвара*, иранск. *аспбара* (всадник, «рыцарь»).

Заимствования такого рода, т. е. основополагающих терминов хозяйства, а также титулатуры, числительных обычно свидетельствуют не только о сильнейшем культурном влиянии этноса-донора, но и о широком участии его в генезисе этноса-реципиента (например, тюркский и славянский лексические пласты в языке венгров, малоазийский субстрат в языке турок, славянская лексика в румынском и т. д.).

В свете всех этих данных представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что этноним «тюрк» является по происхождению индоевропейским, точнее, иранским. Авеста, священная книга древних иранцев, называет часть кочевников-скотоводов, ушедшую далеко на Восток, «турами с быстрыми конями» (Яшт XVII, 55—56), повествует об их набегах и войнах с оседлыми иранцами (Яшт V, 54, 73; IX, 18; XIII, 38), об их предводителе — «могучем Туре Франграс-йане» (Яшт XIX, 57), владыке Турана. Историки давно установили, что авестийские туры в персидских источниках именуются саками, а в дренегреческих — скифами⁶.

Важно также то, что в Авесте подчеркивается родство между тремя частями ираноязычного этноса, происхождение которого возводится к общему родоначальнику Траэтаоне, у которого было три сына — Тура (прародитель туранцев), Сайрима (прародитель савроматов) и Арья (прародитель ариев). Эта легенда повторяется в «Шахнаме» Фирдоуси: Фаридун (авест. Траэтаона) делит мир между тремя сыновьями — Туром, Салмом и Араджем. «... Туру дал туранскую землю (Туран замин), сделал его главой тюрков (торкан) и Китая»⁷.

Об ираноязычности туров говорит и их антропонимия, приведенная в «Шахнаме». Это прежде всего царь Турана Афрасиаб (авест. Франграсйан), его дядя Виса (авест. Ваэсака), братья Гарсиваз (авест. Карасавазда), Агрирас (авест. Агхраратха), отец Пашанг, сын Джахна, туранские витязи Арджасп (авест. Арджадаспа), Андариман, Гольбад, Лаххак (авест. Лавахак), Марду, Настихан, Силахрам, Товорг, Фаршидвард (авест. Фрашхамварата, пехл. Фрашаварт) и др.⁸

Если судить по сведениям Авесты и ранних сюжетов «Шахнаме»⁹, борьба между Ираном и Тураном была борьбой между кочевыми племенами скотоводов, с одной стороны, и оседлыми земледельцами — с другой. Земледельцы в Авесте представлены как положительные герои, кочевники — как отрицательные. Но и те и другие ираноязычны.

Эти сведения подтверждаются археологическими и палеоантропологическими данными. Согласно им, ареал, в котором впоследствии сложились тюркские племена, т. е. Алтай, Тува, Западная Монголия, был заселен с глубокой древности европеоидами-индоевропейцами. Так, предметы, найденные в «афанасьевских» курганах Алтая и Минусинской котловины, имеют большое сходство с инвентарем курганных погребений (особенно катакомбных захоронений) в южно-

русских степях. В результате раскопок в Монголии также можно сделать вывод, что индоевропейцы проникли сюда еще на рубеже III—II тысячелетий до н. э.: запад Монголии был заселен в это время скотоводами из европеоидного населения, их культура была сходна с культурой «афанасьевцев» на Енисее; восток страны населяли монголоидные охотничьи племена¹⁰. Кроме того, ряд антропологических особенностей современных тувинцев объясним только тем, что в формировании их расового типа участвовало древнее европеоидное население, существовавшее в Туве длительное историческое время¹¹. Возможно, что реликтом этих европеоидов были тохары, обитавшие еще во II в. до н. э.— VIII в. н. э. в Средней Азии и Северо-Западном Китае. Дошедшие до нас тохарские тексты относятся к V—VIII вв. н. э.

Следующая волна индоевропейцев захлестнула будущий «тюркский ареал» в начале I тысячелетия до н. э. Это скорее всего и были те ираноязычные кочевники — саки, о которых говорит Авеста, называя их «турами с быстрыми конями». С ними связывают могильные курганы западных областей Монголии, датированные первой половиной I тысячелетия до н. э.— III в. н. э. Они аналогичны скифским захоронениям Пазырыка (Алтай) и Северной Тувы. Расовый тип погребенных — европеоидный тогда как восточнее лежит область культуры «плотных могил», оставленных монголоидным населением¹². Черепа из западно-монгольских курганов европеоидные, лишь с небольшой примесью монголоидности. Они близки к черепам из курганов скифского времени Тувы и сакских погребений Казахстана и Киргизии¹³.

Затем, с III в. до н. э. будущий ареал древних тюрков постепенно входит в область распространения хунну, а с VI в. н. э. источники связывают его уже с тюрками. Об этом сообщают китайские летописи VI—VIII вв., где этноним «тюрк» передан из-за особенностей письма китайцев весьма приблизительно. Это два иероглифа, которые тогда, видимо, читались как «ту-гю» или «ту-кюз» (современное чтение — «ту-цзюэ»). Племена ту-гю, по китайским сведениям, кочевали в Северной Монголии и Синьцзяне¹⁴. Исходя из этих данных, можно приблизительно определить время формирования древнетюркской народности. Судя по Авесте, которая сложилась в VI—IV вв. до н. э., туры, туранцы ираноязычны. Затем в III в. до н. э.— III в. н. э. в этом ареале господствуют хунны. Но в послехуннскую эпоху их место занимают тюрки, народность уже тюркоязычная. Следовательно, завершение этногенеза древних тюрков падает на III—V вв. н. э. С этим можно сопоставить сообщение опять-таки китайских, но более ранних источников. В «Истории династии Цзинь» в разделе о хунну от 284 г. н. э. перечислены их племена. Среди них названо племя ту-гэ, которое было «наиболее сильным и уважаемым»¹⁵. Созвучие *ту-гэ* и *ту-гю* вряд ли случайно. Если это так, то тюрки (ту-гэ, ту-гю) входили в состав хуннского союза. А как считают многие исследователи, он в основной массе был тюркоязычен¹⁶. Оказавшись в гуще тюркоязычных хунну, ираноязычные туры из-за своей относительной малочисленности быстро ассимилировались ими — перешли на их язык, но сохранили прежний этноним (тур > тюр > тюрк).

О том, что вначале этноним «тюрк» имел довольно узкое (племенное) значение, свидетельствуют тексты памятников Кюль-тегину и Тонъюкуку (712—732 гг.), находящихся в Монголии. Из них явствует, что не все племена, языки которых впоследствии получили название тюркских, были охвачены этнонимом «тюрк». Тюрками в этих памятниках названо определенное племя; название «тюрк» не распространяется, например, на огузов, кыргызов, курыкан, хотя огузы, кыргызы — тюркоязычные этносы, а курыканы — одни из предков якутов, также тюркоязычных. Памятники характеризуют все эти племена как враждебные тюркам: токуз-огузы воевали с тюрками¹⁷, «кыргызы, курыканы, отуз-татары, киданы и татабы — все были врагами [тюрков]»¹⁸.

В период завершения этногенеза древних тюрков, т. е. в III—V вв., произошла окончательная тюркизация «туров с быстрыми конями», а их родоплеменное имя «тур» превратилось в этноним «тюрк», сначала племенной, а затем и бо-

лее широкий, охвативший весь союз племен, который возглавили тюрки. Не противоречат этому предположению и лингвистические данные.

Переход иранского *тур* в тюркское *тюр*, точнее *түр*, закономерен фонетически: иранские широкие губные гласные трансформировались в тюркском языке в узкие. Такое превращение испытывали многие иранские корни: *туман* > *түмен*, *йук* > *йүк*, *Рустам* > *Рүстем*, *окус* > *окуз*. Это закон действителен и для арабских заимствований: *турфа* (роскошь) > *түрфе*, *умара* (эмиры) > *үмера*, *уммат* (община) > *үммет*, *дунья* (мир) > *дүнья*, *бурдж* (созвездие) > *бүрч*, *шубхат* (сомнение) > *шүбхет* и т. д.; ср. также переход китайского *жунг-кум* (парча) в тюрк. *зункүм*. Что же касается окончания -к в слове «тюрк», то оно характерно для этнических наименований у иранцев и тюрков: таджик, согдак (согдиец), сукак (перс), кыпчак, казак (казах), бедженек (печенег), кумук (кумык), юрюк и др. Кстати, некоторые тюркские народы слово «тюрк» произносят «тюрюк». В такой форме оно зафиксировано и как составная часть имени собственного в легенде об Огуз-кагане XIII в. — Улуг Тюрюк (Великий Тюрк) ¹⁹.

В некоторых тюркских языках слово «тюрк» имеет и такой смысл — «сильный», «могучий», «обильный», «цветущий». Но это скорее всего производное, переносное значение. В связи с этим стоит также отметить, что корень *тур/тор/тар* имеет, видимо, общендоевропейское происхождение, а не только иранское. Он присутствует в имени армянского бога войны — *Торг/Торк/Турк*, восходящего к хеттско-миттанийскому богу плодородия, читаемому как *Тарку/Тургу*. Имя древнеанатолийского бога грозы (Тархунта) имеет индоевропейскую этимологию, связано с хеттским глаголом «побеждать» (*тарх-*) ²⁰. По скифской легенде, приведенной Геродотом, имя первого человека — Таргитай ²¹. В этом семантическом ряду можно привести также родовое имя у кушан Турушка, имя вождя «белых гуннов» (эфталитов) Торамана, название мифического коня в Ригведе Таркшья. В древнетюркских языках сочетание согласных *тр* с различными огласовками выражало, как правило, весьма определенную семантику. Оно связано с понятиями законного, престижного, кровнородственного: *торе* — закон, обычай; *тору* — порядок, правило; *тор* — почетное место; *таркан/тархан* — титул правителя; *торкун* — общность кровных родственников. Ср. также монгольск.: *торхом* (родня, родители).

Индоевропейская эстафета скотоводческого хозяйства была передана тюркоязычными народами монголам. Об этом свидетельствует то, что иранская скотоводческая лексика, усвоенная и тюркизированная тюрками, появилась в монгольском языке: молоко (*сүт* > *сүү*), сброженное молоко (*айран* > *айраг*), сухой творог (*курут* > *хурууд*), сыр (*беслик* > *бяслаг*), отборное мясо для жаркого (*согуйш* > *сэгуджи*), корова (*инек* > *үнээ*), бык (*бука* > *бух*), баран (*коч* > *хуц*), овца (*кон* > *хонь*), верблюды (*тевэ* > *тэмээ*), стадо (*сүрүг* > *сүрэг*). Арабское слово мал (скот) также попало в монгольский через тюрков. Влияние тюркской, вернее, тюркизированной иранской культуры привело к заимствованию монголами таких числительных, как десять тысяч (*түмен* > *түмэн*), тысяча (*минг* > *мянга*), другой лексики, как, например, слова «мельница» (*тегирмэн* > *дэгэрмэ*).

В свете этих выводов вполне объяснима более чем двухтысячелетняя жизнь скифо-сакских традиций. Так, древнейшие варианты княжеских погребений с конем скифского времени повторяются в древнетюркских захоронениях VII—IX вв., затем в могилах монгольского времени и, наконец, в погребениях тувинцев и южных алтайцев XVII—XIX вв. ²² Для всех этих послескифских могильников как бы образцом стали принадлежащие сакам захоронения вождей — курган Аржан в Туве ²³ и пазырыкские курганы на Алтае. Древний образ женского божества скифского времени ожил затем в древнетюркской богине-матери Умай и дошел до позднейших времен ²⁴. То же самое можно сказать и о скифском «зверином стиле» саков, унаследованном тюркскими народами, и о традиции ставить на могилах каменные бабы (балбалы) ²⁵, более древний европеоидный облик которых в течение перехода от скифского к древнетюркскому периоду сме-

нился монголоидным. Последнее, кстати, наглядно отразило изменение антропологического облика населения Алтая, Тувы и Западной Монголии в процессе тюркского этногенеза. Так, например, палеоантропологический и археологический материалы свидетельствуют, что в бронзовый и ранний железный века (II—I тысячелетие до н. э.) Западную Монголию населяли племена европеоидного типа с примесью монголоидных черт, характеризовавшиеся культурой каменных курганов и безвещевых погребений, аналогичной тувинским и алтайским. В это время здесь происходило смешение европеоидного и монголоидного населения. Оно продолжалось вплоть до хуннского времени и шло в направлении усиления монголоидных черт в антропологическом типе местного европеоидного населения Западной Монголии ²⁶.

Эстафета кочевого скотоводства прокатилась по Евразии с запада на восток с конца II тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э. Одни из последних, кто принял ее, — монголы. «Еще в X—XII вв. некоторая их часть, — пишет Г. Е. Марков, — обитала в лесах, и только незадолго до сложения монгольской империи они перешли к кочевому скотоводству; к тому же, по данным языкознания, почти вся лексика монголов, связанная с домашними животными и скотоводческим хозяйством, по происхождению тюркская» ²⁷. Все это также говорит о правильности гипотезы С. И. Вайнштейна, который считает, что переход к кочевому скотоводству, во всяком случае на Востоке Евразии, происходил в охотничьих племенах, познакомившихся со скотоводством через пришельцев и заимствовавших у них домашних животных ²⁸. Иными словами, иранцы-саки знакомят с этим типом хозяйства тюрков, те — монголов, а монголы — тунгусов и маньчжур.

Затем, начиная с III—IV вв. н. э., Евразия, как известно, испытала массовые миграции кочевых народов в обратном направлении — с востока на запад. Сначала это были гунны (хунну), потом тюрки, наконец, монголы. Все это также объяснимо поочередным переходом от охоты к скотоводству названных народов. Производящее хозяйство (кочевое скотоводство) создавало намного лучшие возможности для питания, потребления других материальных благ по сравнению с присваивающим (охотой). Это вело к демографическому взрыву, расширению и усилению элиты (родоплеменных вождей и их дружин), а в итоге — к миграциям на новые земли, предводительствуемым этой элитой.

Наконец, в свете преемственности кочевого скотоводства от иранцев-саков к тюркам и далее представляется убедительной несколько сенсационная гипотеза о генетическом родстве якутов и ариев. Речь о том, что в крови якутов обнаружено сочетание антигена HLA-A1, более характерного для европеоидов, чем для монголоидов, с другим антигеном — HLA-B17. Именно такая комбинация обоих антигенов распространена у жителей Северной Индии (хинду), что говорит о наличии каких-то общих предков у якутов и североиндийцев ²⁹. А ими могли быть только арии или, шире, индоиранцы. Но якуты, по всей вероятности, получили эту комбинацию антигенов не прямо от них, а через древних тюрков, которые, как известно, сыграли в якутском этногенезе решающую роль. Действительно, самоназвание якутов «саха» можно связать и с этнонимом восточных скифов «сака». Этот вопрос ставили еще тюркологи XVIII—XIX вв. Ф. М. Страленберг и Г. Вамбери. Но это уже другая тема.

Итак, предположение об иранском происхождении этнонима «тюрк» не только ставит вопросы этногенетического характера, касающиеся собственно древних тюрков, но и объясняет многое в истории кочевых народов Центральной Азии. Схематично эта история выглядит так: тюркоязычные охотничьи племена ассимилируют племя саков — туров с быстрыми конями, переняв их этноним и навыки кочевого скотоводства, но сохранив свой язык, правда, обогащенный иранской лексикой; кочевое скотоводство дает возможность этим племенам резко увеличить свой ареал, создать огромную кочевую империю — Тюркский каганат. Затем такую же метаморфозу переживают монгольские племена охотников: освоенное ими через тюрков кочевое скотоводство становится не только причи-

ной гигантских миграций, но и базой для создания новой империи. Затухающий этап этой эстафеты — маньчжуры, также основавшие свою империю — империю династии Цин.

Примечания

¹ При сопоставлении тюркской и индоевропейской лексики использованы следующие работы: Древнетюркский словарь. Л., 1969; Гамкрелидзе В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси. 1984; Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963; Ригведа. М., 1972.

² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967 (Ономастическая таблица). С. 463, 466.

³ Гумилев Л. Н. Указ. раб. С. 464, 466—467.

⁴ Вспослествию титул «бага» дал в тюркских языках новые слова, означающие «вождь», «князь», «господин», — *бэг, бек, бей, бай*. С бага связан и другой титул — *багатур* («божественный тур»), ср.: слав. *буйтур, богатырь*.

⁵ О сакско-кушанском происхождении термина *ябгу* как имени собственном, ставшим титулом, см.: Puri B. The Nationality of the Kushans. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 182—189.

⁶ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. С. 77.

⁷ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М., 1957. С. 618.

⁸ Фирдоуси А. Шахнаме. Т. I—III. М., 1957—1965; Фирдоуси А. Шахнаме. Критический текст. Т. III. М., 1965.

⁹ «Шахнаме» представляет собой поэму из 52 тыс. двустиший. Это версификация древнеиранских мифов, легенд, сказаний, законченная Абулькасимом Фирдоуси к 1010 г., но ее «богатырская» часть охватывает 782—50 гг. до н. э., т. е. примерно скифское время. См.: Брагинский И. С. Фирдоуси и его Шах-наме // Фирдоуси. Шахнаме. М., 1957. С. 6—11.

¹⁰ Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (II—I тысячелетие до н. э.) // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Душанбе, 17—22 октября 1977. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977. С. 27—29.

¹¹ Богданова В. И. Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев // Сов. этнография. 1978. № 6. С. 60.

¹² Новгородова Э. А. Указ. раб. С. 28.

¹³ Мамонова Н. Н. Обзор палеоантропологических материалов с территории МНР // Тр. III Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор, 1978.

¹⁴ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 322.

¹⁶ См., например: Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

¹⁷ Об этом см.: Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.; Л., 1946. С. 42.

¹⁸ Кыркыз курыкан отуз татар кытай татабы коп йагы эрмиш // Древнетюркский словарь. С. 374, 449.

¹⁹ Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976. С. 27.

²⁰ Иванов В. В. Указ. раб. С. 13.

²¹ Этот антропоним был унаследован и тюрками. Таргитай — имя аварского посла в Константинополе (585 г.). Через тюрок это имя попало и к монголам. В «Сокровенном сказании» говорится о Таргутае, гонителе юного Темучина, будущего Чингисхана. О живучести древнеиранских (скифо-сакских) антропонимов говорит примечательный факт: предводителя дунайских тюрок-булгар звали Аспарух, что легко этимологизируется как древнеиранское составное имя — *аспа* (конь) и *раук* (светлый). Возможно, что имя предводителя гуннов — Аттила представляет собой кальку с иранского Аспбара (что значит «всадник»: *асп* — конь, *бара* — садиться). Ср. тюркское: *ат* — конь, *атла* — сажать на коня, *атлан* — садиться на коня.

²² Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 74.

²³ О нем см.: Грязнов М. П., Маннай-гол М. Х. Курган Аржан — могила царя раннескифского времени // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Вып. XVI. 1973. Вып. XVII. 1975.

²⁴ Грач А. Д. Указ. раб. С. 94.

²⁵ Тюркское «балбал» происходит от иранского «пахлаван» (герой, богатырь).

²⁶ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 19.

²⁷ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 30.

²⁸ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С. 180; его же. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Докл. советской делегации. М., 1973.

²⁹ Дмитриев А. Арийская кровь в сердце Сибири? // Химия и жизнь. 1988. № 8. С. 80—81. Комментарий С. Б. Боевой (Ссылка на: Фефелова В. В., Высоцкая Г. С. Изучение распределения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций. Препринт Вычислительного центра СО АН СССР. № 12. Красноярск, 1987).